

Секция «Политические науки»

Об идеологии в истории политики и мысли

Соболев Владимир Андреевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия
E-mail: sobvlad1992@yandex.ru*

Обратимся к опыту Российской империи XIX в. К началу эпохи правления императора Николая I четко обнаружилась необходимость в определенном идеологическом императиве, который должен был, с одной стороны, противостоять западной идеологической экспансии, и с другой, — нести в себе необходимый позитивный момент, характеризующийся поиском «исторической, религиозной, культурной, социальной, метафизической, экзистенциальной идентичности» [2, С. 104]. В то же время, страх перед «разрушительной, эгалитарной идеологией, повсюду одной и той же, совершившей вторжение и в наши пределы» [6, С. 105], после попытки вооруженного переворота 14 декабря 1825 г., фактически стал главной причиной, заставившей власть принять в качестве идеологической формулы — прообраза государственной идеологии, консервативные принципы и с помощью С.С. Уварова, назначенного министром народного просвещения, «облечь их в чеканную, выразительную, понятную всем формулировку «православие — самодержавие — народность», выразившую суть правительственного курса» [3, С. 125].

Православие, провозглашенное Уваровым в качестве первого из спасительных начал в лице церкви, являлось одной из сильнейших опор традиционализма и консерватизма в России. «Искренне и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейного. Без любви к вере предков народ, как и честный человек, должен погибнуть» [5, С. 30].

Второе положение знаменитой триады было заложено еще Н.М. Карамзиным в его концепции самодержавия как Палладиума России [8, С. 9–32; 9, С. 98–99]. Идея самодержавия становится центральным ядром официальной идеологии. «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колос упирается на самодержавии как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное воспитание и с ним развиваться» [5, С. 25–26].

Народность обосновывала глубокое отличие России от Запада, признание особого национального характера и ценностных ориентаций русских, коренным образом отличающих их от народов Западной Европы.

Данная триада, получившая в более поздней литературе название теории «официальной народности», широко обсуждалась интеллигенцией XIX в. [7, С. 39–55]. В этом отношении особо стоит выделить М.П. Погодина. Если Уваров лишь постулировал формулу, то Погодин предпринял попытку теоретически обосновать своеобразие русского государства через признание специфического характера русской истории. В своих трудах М.П. Погодин обосновывал единство двух начал народа и государя. Воля монарха объявлялась действенной силой истории, носителем ее духа. Западноевропейский процесс противопоставлялся особым «началам» русской истории, русской жизни.

В отличие от Запада, где государства создавались с помощью насильственных завоеваний, в России варяги были приглашены славянами, что и создало, по его мнению, своеобразие русской истории. «Особость» русского народа Погодин видел в религиозно-православных чувствах, в «тихом, спокойном, терпеливом» характере, не менявшемся в течение многих веков, следствием чего было «отсутствие в государстве внутренней борьбы». Отсюда делался вывод о том, что российская история может сделаться хранительницей и блюстительницей общественного спокойствия, самой верной и надежной [10, С. 42–74].

В целом можно говорить о том, что идеология является значимым социокультурным феноменом истории России. Русскому сознанию в целом чуждо «технологическое» решение проблем с позиции здравого смысла, т.е. на основе экономических расчетов, политических интересов или правовых отношений. Люди с таким сознанием стремятся найти «идеологическое» решение, которое соответствует их вере или убеждению, т.е. религиозному или нравственному подходу к оценке ситуации. В этой связи показателен вывод Н.А. Бердяева о том, что «русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку» [1, С. 53]. Повышенное внимание к идеологической стороне жизни в России не следует приписывать исключительно влиянию государства. Не только государство идеологически влияло на общество, но и общество воздействовало на идеологию государства. В период свержения монгольского ига, в Смутное время и век раскола именно общество предлагало государству идеологическую программу, направленную на защиту национальных или религиозных интересов. При этом предпочтение отдавалось не относительным, преходящим оценкам, легко приводимым в соответствие с переменчивым «духом времени», а неизменным, абсолютным ценностям. России была всегда нужна «идеология, которая бы одушевляла пафосом вечного, абсолютно-ценного, властно призывала к абсолютно оправданной деятельности и была несомненно, т.е. абсолютно, обоснованной в своих истоках» [4, С. 241–242]. Эта потребность в идеологии, переходящая из сферы религии и морали в область социальной жизни и политики, формирует оригинальное мировоззрение русского человека.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков-М., 1999.
2. Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. №8.
3. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
4. Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России - Евразия: Антология. М, 1995.
5. Цимбаев Н.И. Под бременем познания и сомненья...(Идейные искания 30-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.

6. Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 105.
7. Ширинянец А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 4.
8. Ширинянец А.А. Монархический идеал в русской социально-политической мысли первой половины XIX в.: Мудрое самодержавие Н.М. Карамзина // Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 8. Т. 8. Издательство Арзамасского филиала ННГУ Арзамас, 2013.
9. Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.
10. Ширинянец А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.